

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41-1, Is. 3-1, pp. 995-1002, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47)

The True Beginning of Post-Soviet Historiography of the History of the Russian Empire

Sergey V. Kulikov^{a, *}

^a Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The paper assesses the place of Boris Mironov's new, foundational monograph in post-Soviet historiography and the place of the author himself among the number of modern historians. Special attention is paid to the methodological features of the monograph and the creative style of the author, who is the first living Russian historian to liberate his research mentality from the atavism of the Marxist-Leninist paradigm. As a result, Mironov has managed to present the history of the Russian Empire in a new, optimistic perspective, to newly illuminate already well-known subjects, to rightly correct many stereotypes that still affect the perception of the period of the Empire, for both professional and amateur historians. However, according to S.V. Kulikov, Mironov participates in some historiographical stereotypes, in particular, the notion that the history of the Russian Empire begins with Peter the Great, although Baron B.E. Nolde validated another view – that in fact the history of Russia as an empire begins with the 1550s, i. e., from the reign of Ivan IV the Terrible. The article raises the issue of the methodology of comparing the Russian Empire with other European countries that also possessed colonies and, in this sense, were empires. Mironov, according to the existing historiographical tradition, often compares the Russian Empire as a whole (the metropolis plus the colony) with metropolises of the corresponding powers, without considering that their colonies, as in the case of Russia, were legally, politically, and economically a single whole. In this approach, the Russian Empire, in terms of its development, will forever be catching up with other European empires. However, when comparing the Russian Empire with the British and other empires (as a whole), the situation changes, and Russia appears not as a country that follows, but as one that surpasses other European countries, particularly with regard to the beginning of the 20th century – in the degree of prevalence among the population of different parts of the empires of political rights and freedoms, including electoral rights. In Kulikov's opinion, Mironov's new monograph will cause a great interest among wide circles of the representatives of all disciplines of the humanities and will be an outstanding event in Russian historiography of the 21st century.

Keywords: Russian Empire; post-Soviet historiography; scientific communities; political rights; the comparative-historical method; criteria for the comparison of empires; Marxist paradigm; multi-conception approach; elite theory; the British Empire; European empires; political rights; methodology and ideology.

Чтение последней работы Бориса Николаевича Миронова наводит на размышления по поводу как затронутых им тем, так и судеб отечественной историографии истории

* Corresponding author

E-mail addresses: sergeykulikov70@mail.ru (S.V. Kulikov)

Российской империи. Долгое время субъектами историографического процесса были личности отдельных историков, и наблюдалось это не только в доисторические времена, в эпоху «отца истории» Геродота, но и тогда, когда появляется история как наука в современном смысле слова. В Западной Европе это XVI в., в России – XVIII-й. Еще в XIX в. в России, да и на Западе, история как наука ассоциировалась именно с именами отдельных историков – достаточно вспомнить нашу классическую триаду: Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и... иже с ними.

С усилением институционализации истории как науки, с развитием в ней научных школ, одновременно – с расширением охвата изучаемых тем и понятия «исторический источник» наступило неизбежное следствие всего этого – специализация истории, разветвление единого потока на десятки, сотни, тысячи ручьев, ручейков и струек. Это не означало, что роль личности в истории не только как процессе, но и как науке перестала быть актуальной, это означало прежде всего, что если научный синтез являлся возможным и в XX в., то в рамках не одной, а нескольких методологий, и историку, стремившемуся не затеряться в мелкотемье, оставалось выбрать одну из методологических схем. Обратной стороной подобного выбора было то, что историк оказывался заложником выбранной методологии, подгоняя под нее, подчас абсолютно неосознанно, живую фактуру исторических реалий, выпячивая то, что соответствовало данной схеме, и отсекая то, что ей противоречило. Эта ситуация усугублялась усилением, особенно в XX в., давления на академическую науку пресса государственной идеологии, что наблюдалось и в той или иной мере наблюдается до сих пор во всех странах, претендовавших или претендующих на роль великих научных держав.

Выход из описанной ситуации артикулировала наиболее внятно, но отнюдь не впервые школа «Анналов», осознавшая необходимость междисциплинарного похода, на базе которого стало возможным восстановление «разрушенной храмины» – возвращение через «тотальную историю» к большой истории и к историку как субъекту историографического процесса.

В СССР и постсоветской России наметившаяся всемирная тенденция до сих пор еще пробивает себе дорогу, поскольку оставшиеся в отечественной исторической науке от советского периода научные кланы, а не школы формировались, испытывая давление господствовавшей идеологии, а потому способствуют не столько передаче, сколько извращению традиций дореволюционных и зарубежных научных школ, будучи замешаны на имплицитно присутствующей приверженности «единственно верному учению», густо сдобренной мотивацией не академического, а меркантильного характера. Неудивительно, что в современной отечественной историографии много историков, но нет Историков, много книг, но нет Книг, причем, естественно, не может быть и речи о создании культа конкретного Историка и его Книги – речь идет о необходимости большей персонификации историографического процесса, чего в постсоветской историографии с ее отказом от свободы творчества в пользу верности «учению» теперь уже не классиков марксизма-ленинизма, а главы того или иного клана до сих пор почти не наблюдается (Миронов, 2013).

Между тем новые научные направления создаются, сама наука как целое развивается преимущественно отдельными учеными, пусть и опирающимися на результаты деятельности всей совокупности своих предшественников и коллег. Более того, существование научных кланов – нормальное явление с точки зрения социологии науки, и к пагубным последствиям ведут не научные кланы, как таковые, а их засилье либо отсутствие равновесия между принципами кланового и индивидуального творчества.

Б.Н. Миронов и его последний трехтомный труд (Миронов, 2014; Миронов, 2015a; Миронов, 2015b), абсолютно свободный от марксистско-ленинских догм, является доказательством того, что постсоветская историческая наука способна освободиться от господства кланов, а значит – у нее есть не только великое настоящее, но и столь же великое будущее. На данный момент это есть тот Историк и та Книга, которые уже давно разыскивали современные российские исследователи и, следовательно, появились и в нужное время, и в нужном месте.

Достоинства трехтомника, не просто фундаментальной работы, но того, что можно без тени преувеличения назвать научным подвигом, очевидны для всякого, кто обратился или обратится к труду самого читаемого историка современной России. Одно из достоинств этого произведения заключается в том, что автор раскрывает перед читателем свою творческую лабораторию, не боясь представить себя как на ладони. Здесь необходимо отметить высокий

уровень методологической культуры Б.Н. Миронова, который, пожалуй, как мало кто из ныне здравствующих историков Российской империи владеет и в теоретическом, и в прикладном смысле инструментариум современных методологий.

Хорошо известно, что вся мировая литература вертится вокруг нескольких трафаретных сюжетов, и историческая наука в этом смысле мало отличается от литературы, используя несколько парадигм, рассмотренных автором в начале первого тома, хотя среди них почему-то блистательно отсутствует элитистская парадигма, даже как часть иной парадигмы.

Как и ранее, едва ли не самая сильная сторона Б.Н. Миронова-историка, проявившаяся на пространстве всего созданного им нарратива, но детерминированная его методологической индивидуальностью – сочетание традиционных методик исторического исследования и методик, подразумевающих работу с массовыми источниками. Конечно, нельзя «поверить алгеброй гармонию», но, раз уж история как наука становится на рельсы междисциплинарности и если в этом, точнее – в социологизации истории, заключается едва ли не главный залог ее дальнейшего развития, то при написании Big History без особого внимания к большим цифровым рядам обойтись, очевидно, невозможно.

Впрочем, вызывает вопрос декларируемая автором известная иерархизация уровней истории как науки, при которой так называемой событийной истории отводится последнее место. Между тем, несомненно, что событийная история присутствует и в плоскости истории больших периодов, опирающейся в конечном итоге на те самые «презренные» события, произошедшие в конкретное время, в конкретном месте и в конкретной последовательности. С другой стороны, выявление мега-тенденций возможно и в плоскости событийной истории, и дело здесь не в ее более «низкой» природе, а в уровне мастерства данного исследователя – кто-то из-за деревьев не видит леса, а кто-то и в капле росы видит отражение вселенной!

В конце концов, сам же Б.Н. Мионов подтверждает существование мегатенденций не только многочисленными таблицами, но и еще более многочисленными данными событийной истории, не говоря уже о тщательно подобранном визуальном ряде. Вероятно, уровни историописания с гносеологической и эпистемологической точек зрения равнозначны, что, собственно, и доказывается на каждой странице мироновского нарратива.

Грандиозный по своей фундаментальности трехтомник – настоящий научный прорыв, который расшатывает устои многих несостоятельных историографических традиций – прежде всего концепта о тотальном кризисе как итоге истории Российской империи и причине ее падения (см. также: [Мионов, 2012](#)). Тем заметнее дань, отдаваемая Б.Н. Мироновым некоторым историографическим традициям, достойным если не ниспровержения, то по крайней мере пересмотра – в частности, традиции, возводящей начало Российской империи к царствованию Петра I Великого, действительно формально провозгласившего свою державу империей. Однако еще в 1940-е гг. выдающийся российский ученый-гуманитарий, в том числе историк барон Б.Э. Нольде, находившийся в эмиграции, выдвинул и обосновал концепцию, согласно которой фактически, а не de-jure, история России как империи начинается не с Петра I, а с Ивана IV Грозного, присоединившего к Московскому царству в 1550-е гг. Астраханское и Казанское ханства и начавшего присоединять Урал (братья Строгоновы) и Сибирь (Ермак) ([Нольде, 2013](#)).

С Ивана IV прежде моноконфессиональная и моноэтническая Московия стала превращаться в поликонфессиональную и полиэтническую Россию – именно в многонациональную империю. Кстати, если встать на точку зрения Б.Э. Нольде, то окажется, что Русское государство, по данному аспекту, шло в ногу с тогдашними великими европейскими державами, которые во второй половине XVI в. усиленно присоединяли к себе заморские территории. Да, Россия и в это время, и в дальнейшем, вплоть до 1917 г., являлась континентальной империей, но данное обстоятельство, иногда искусственно раздуваемое историками, прежде всего зарубежными, ни в коей мере не делало менее полноценным уровень ее имперскости и уж никак не превращало ее в менее развитое государство.

Вообще, вопрос о степени развития Российской империи, особенно в начале XX в., находится в центре внимания Б.Н. Миронова и решается им исходя, в частности, из такого бесспорного критерия, как сравнение России с тогдашними европейскими государствами. Но тут возникает вопрос: а что с чем сравнивать?

Поставленный вопрос отнюдь не праздный, поскольку, отвечая на него, Б.Н. Мионов основывается на точке зрения, также достойной рецензии. Дело в том, что в начале XX в., да и ранее, заморские колонии европейских государств рассматривались как неотъемлемая часть территории данного государства. «Колонии, как бы широки ни были их права самоуправления, – писал самый авторитетный английский государствовед В. Энсон, чьи работы штудировала даже нынешняя королева Елизавета II, – составляют часть Британской империи и зависят от нее» (Энсон, 1914: 299). «Нидерландское королевство, – гласила ст. 1 его Основного закона 30 ноября 1887 г., – состоит из территории в Европе, равно как из колоний и владений в других частях света» (Современные конституции, 1905: 278). Согласно ст. 2 Португальской конституционной хартии 29 апреля 1826 г. «территорию Королевства Португальского и Альгарвского» составляли владения «в Европе», «в Западной Африке» и на ее «восточном берегу», а также «в Азии» (Современные конституции, 1905: 353).

Соответственно, и подданными европейских монархов являлись не только представители титульных наций, но и коренных народов колоний, а потому сами британцы, по крайней мере – британская правящая элита, рассматривали Острова в качестве части «Рах Britannica», «Большой Британии», Британской империи. То же самое было характерно и для правящих элит остальных европейских стран, имевших колонии. Но если это так, то насколько методологически корректно сравнивать Российскую империю, с точки зрения любых показателей, с островной Англией, а не с Британской империей в целом?

Как резко меняется привычная картина при ином ракурсе, видно на примере распространения в колониальных империях начала XX в. избирательного права, принадлежавшего только жителям метрополии. В порядке убывания к 1914 г. (Александров, 1937: 9, 11):

в Нидерландской империи избирательное право имела одна десятая всего населения империи,

в Британской империи – одна девятая,

в Португальской империи – две пятых,

во Французской империи – две пятых,

в Бельгийской империи – более половины,

в Германской империи – шесть седьмых,

в Датской империи – девять десятых,

в Итальянской империи – 95 %,

в Испанской империи – 97 %.

«Огромному большинству народов, населяющих нашу Империю, – писал Дж. Гобсон в конце XIX в., – мы не даровали действительных прав самоуправления, и не только не имеем серьезных намерений сделать это, но и не питаем серьезной уверенности в возможности сделать это. Из 360.000.000 британских подданных, живущих за пределами своей родины, не более 10.000.000, или, другими словами, всего лишь 1/37 часть, пользуется фактически самостоятельностью в вопросах законодательства и управления. Политические и гражданские свободы, поскольку они опираются друг на друга, для преобладающего большинства британских подданных просто не существуют» (Гобсон, 2010: 102).

«Меньше 5 % населения нашей Империи, – отмечал Дж. Гобсон далее, – обладают сколько-нибудь ценной частицей тех политических и гражданских свобод, которые составляют основу британской цивилизации. Кроме 10.000.000 британских подданных в Канаде, Австралии и Новой Зеландии, очень незначительная часть их наделена правом самоуправления даже в области самых жизненных для нее вопросов» (Гобсон, 2010: 104). То же самое наблюдалось и в большинстве других европейских империй.

В отличие от европейских империй, в Российской империи избирательное право с 1905 г. имели практически все населявшие ее народы, и это было результатом сознательной политики правящей элиты во главе с Николаем II. Как известно, 18 февраля 1905 г. последовал императорский рескрипт министру внутренних дел А.Г. Булыгину, возвестивший о согласии царя на создание высшего представительного органа и поручивший разработку его проекта А.Г. Булыгину.

«В Высочайшем рескрипте, – докладывал А.Г. Булыгин Николаю II в мае 1905 г., – не содержится предубеждений о том, от каких именно местностей Империи надлежит призывать выборных от населения, но не предубеждено и каких-либо в этом отношении ограничений. Отсюда следует, что избрание членов Государственной думы должно быть произведено во всех местностях Империи, где развитие гражданственности и наличность зрелых

общественных сил возможность к тому открывают, дабы пользы и нужды всего населения имели у престола своих выразителей и начертание законов, по отношению к каждой местности, сообразовалось с порядком, в Высочайшем рескрипте возведенном. Возможно последовательное проведение этого начала представляется существенно необходимым, в виду разноплеменности и разнообразия местных особенностей Империи, влекущих за собою и разнообразие действующих в отдельных местностях законов и порядков, населению других местностей неизвестных. Мера эта должна получить и важное государственное значение в деле сближения многочисленных народностей, объединенных под сенью Русской державы, с коренным русским населением, и установления между ними более правильного взаимодействия. Устранение при этом условия какой-либо местности от участия в избрании членов Государственной думы, как не вызываемое государственной необходимостью, могло бы возбудить справедливое неудовольствие соответствующей части населения, а потому являлось бы мерою нецелесообразною и нарушающею возведенное Высочайшею властью начало» (Материалы..., 1905: 123–124).

Получается, что в данном случае Российская империя, сравнительно с европейскими империями, являла собой пример не догоняющего, а перегоняющего развития! Особенно, если принять во внимание, что только сейчас граждане стран Британского содружества наций имеют те же самые избирательные права, т. е. могут избирать и избираться в английский парламент, которые жители российских окраин и колоний получили еще 100 лет назад.

Конечно, на части территории Российской империи в начале XX в. действовало Положение 14 августа 1881 г. «О мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия», предусматривавшее два вида исключительного положения – усиленной и чрезвычайной охраны. Однако степень распространения этих мер зависела от уровня революционного движения, резко усилившегося в 1905–1907 гг.

В Указе 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» Николай II объявил о необходимости отмены Положения 1881 г., в 1905–1906 гг. подготовкой этого занималось образованное царем Особое совещание под председательством графа А.П. Игнатъева, благодаря чему в начале 1907 г. правительство П.А. Столыпина с согласия Николая II внесло во II Государственную думу законопроекты «О пересмотре исключительных законоположений» и «О неприкосновенности личности и жилища и тайны переписки». Эти законопроекты, не рассмотренные II Думой, правительство вносило затем в III Думу, откуда они перешли в IV Думу, в которой застряли до Февральской революции 1917 г. Следовательно, в данном случае, как и во многих других, народное представительство Российской империи выступало в роли тормоза реформаторского процесса.

Пока Дума «думала», правительство в 1907–1910 гг. смягчило или отменило исключительное положение в 130 местностях, а административной высылке, главному атрибуту Положения 1881 г., подвергло в 1908 г. 10 060 человек, а в 1909 г. – 1911, т. е. в 5 раз меньше (Столыпин, 1991: 263). В 1908 г. либеральный государствовед Б.А. Кистяковский признавал, что «даже в данный момент, при крайне ненормальных условиях переходного состояния, все-таки заметна принципиальная перемена, происшедшая в правовом положении русских граждан; теперь даже в местностях, объявленных на положении усиленной и чрезвычайной охраны, русские граждане пользуются большими правами и свободой, чем они пользовались до 1905 г.» (Кистяковский, 1998: 570). Наконец, не дождавшись окончания работы IV Думы, Николай II Указом от 27 августа 1913 г. отменил исключительные законоположения, причем режим чрезвычайной охраны сохранялся только в Ялте и Ялтинском уезде, а усиленная охрана – в столицах и столичных губерниях, Одессе, Николаеве, Ростове-на-Дону и некоторых других промышленных городах. Остальная территория Российской империи подчинялась «правилам для местностей, не объявленных на исключительном положении» (Дякин, 1988: 158). Как же обстояло дело с распространением нормального порядка управления в других империях?

В порядке убывания к 1914 г. (Александров, 1937: 9, 11):

в Британской империи нормальный порядок управления распространялся на одну сотую территории империи,
в Бельгийской империи – на одну семьдесят седьмую,
в Датской империи – на одну пятидесятую,
в Нидерландской империи – на одну пятидесятую,

в Португальской империи – на одну двадцать пятую,
 во Французской империи – на одну двадцать вторую,
 в Итальянской империи – на одну восьмую,
 в Германской империи – на одну седьмую,
 в Испанской империи – на одну седьмую.

По мнению Дж. Гобсона, «новый империализм увеличил площадь британского деспотизма и далеко не достиг такого же успеха в деле культурного развития народов и практического осуществления истинной демократической свободы, которой пользуются лишь немногие колонии. Он ничего не сделал для насаждения британской свободы и для пропаганды наших принципов управления. Те страны и народы, которые мы аннексировали, управляются нами, поскольку они вообще управляются, явно автократическими методами, диктуемыми, главным образом, из Даунинг-Стрит, а частью из центров нашего колониального управления в тех случаях, когда нам удалось аннексировать независимые колонии» (Гобсон, 2010: 109–110).

Неудивительно, что в начале XX в. самая большая жемчужина в короне Британской империи – Индия – представляла собой «военную деспотию, в которой голос народа, хотя и не заглушаемый правителями, едва ли является конституционной силой» (Ольстон, 1905: 90). Следовательно, и здесь Российская империя не догоняла, а перегоняла европейских соседей!

Непреходящее значение трехтомника Б.Н. Миронова в том, что в нем, помимо прочего, автор обозначил актуальность использования компаративного подхода при оценке степени развития Российской империи на всех этапах ее истории. Б.Н. Миронов подвел итоги применению методов компаративного исследования в предыдущей историографии истории России, внес свой, самый весомый – по сравнению с предшественниками – вклад и в этой области и, что не менее важно, наметил захватывающие перспективы использования компаративного подхода как одного из наиболее объективных критериев оценки степени развития Российской империи не только в политической, но и в социальной, экономической, культурной и прочих сферах.

Действительно, одно сравнение применительно хотя бы к началу XX в. социумов или экономик Российской империи и, например, Британской или Нидерландской империй, а не Англии и Нидерландов даст поистине головокружительные результаты... В этом состоит, вероятно, главное достижение Б.Н. Миронова как самого выдающегося российского историка современности: в своем последнем творении он ставит не точки, а многоточия и, чуждый околонучной мании величия, открытый для конструктивной дискуссии, приглашает идти по проложенной им дороге вслед за ним, вместе с ним, дальше него. Как говорится: «Feci quod potui, faciant meliora potentes».

Литература

Александров, 1937 – Александров Б.А. Колониальные владения империалистических государств. М.: Соцэкгиз, 1937. 224 с.

Гобсон, 2010 – Гобсон Дж. Империализм. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 288 с.

Дякин, 1988 – Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг.: Разложение третьеиюньской системы. Л.: Наука, 1988. 228 с.

Кистяковский, 1998 – Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб.: Изд-во РХГИ, 1998. 800 с.

Материалы..., 1905 – Материалы по учреждению Государственной думы. 1905 г. СПб., 1905. Вып. I. 160 с.

Миронов, 2012 – Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд., испр., доп. М.: Весь мир, 2012. 848 с.

Миронов, 2013 – Миронов Б.Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир, 2013. 336 с.

Миронов, 2014 – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. 896 с.

Миронов, 2015a – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 912 с.

Миронов, 2015b – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 992 с.

Нольде, 2013 – *Нольде Б.Э.* История формирования Российской империи. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2013. 848 с.

Ольстон, 1905 – *Ольстон Л.* Очерк современных конституций: Введение к изучению политической науки. М.: Изд. Ф.И. Булгакова, 1905. 96 с.

Современные конституции, 1905 – *Современные конституции.* Т. 1: Конституционные монархии. СПб.: Право, 1905. 596 с.

Столыпин, 1991 – *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия... Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М.: Молодая гвардия, 1991. 416 с.

Энсон, 1914 – *Энсон В.* Английская корона, ее конституционные законы и обычаи. СПб.: Юридический книжный магазин Н.В. Мартынова, 1914. 480 с.

References

Aleksandrov, 1937 – *Aleksandrov B.A.* Kolonial'nye vladeniya imperialisticheskikh gosudarstv [Colonial possessions of the Imperialist States]. Moscow: Sotsekgiz, 1937. 224 p. [in Russian].

Dyakin, 1988 – *Dyakin V.S.* Burzhuaziya, dvoryanstvo i tsarizm v 1911–1914 gg.: Razlozhenie tret'eiyun'skoi sistemy [Bourgeoisie, nobility and tsarism in 1911 to 1914: Decomposition on the Third of June system]. Leningrad: Nauka, 1988. 228 p. [in Russian].

Enson, 1914 – *Enson V.* Angliiskaya korona, ee konstitutsionnye zakony i obychai [The English crown, its constitutional laws and customs]. St. Petersburg: Yuridicheskii knizhnyi magazin N.V. Martynova, 1914. 480 p. [in Russian].

Gobson, 2010 – *Gobson Dzh.* Imperializm [Imperialism]. Moscow: LIBROKOM, 2010. 288 p. [in Russian].

Kistyakovskii, 1998 – *Kistyakovskii B.A.* Filosofiya i sotsiologiya prava [Philosophy and sociology of law]. St. Petersburg: Izdatel'stvo RKhGI [Publisher Russian Christian humanitarian Institute], 1998. 800 p. [in Russian].

Materialy..., 1905 – *Materialy po uchrezhdeniyu Gosudarstvennoi dumy. 1905 g.* [Materials for the establishment of the State Duma. 1905]. St. Petersburg, 1905. Vyp. I. 160 p. [in Russian].

Mironov, 2012 – *Mironov B.N.* Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperiskoi Rossii: XVII – nachalo XX v. [The well-being of the population and the revolutions in Imperial Russia: the 18th – early 20th centuries]. 2nd ed. Moscow: Ves' mir, 2012. 848 p. [in Russian].

Mironov, 2013 – *Mironov B.N.* Strasti po revolyutsii: Nравы v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii [The passion for the revolution: mores in the Russian historiography in the information age]. Moscow: Ves' mir, 2013. 336 p. [in Russian].

Mironov, 2014 – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 1. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2014. 896 p. [in Russian].

Mironov, 2015a – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 2. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 912 p. [in Russian].

Mironov, 2015b – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 3. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 996 p. [in Russian].

Nol'de, 2013 – *Nol'de B.E.* Istoriya formirovaniya Rossiiskoi imperii [The history of the formation of the Russian Empire]. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2013. 848 p. [in Russian].

Ol'ston, 1905 – *Ol'ston L.* Oчерк sovremennykh konstitutsii: Vvedenie k izucheniyu politicheskoi nauki [Essay on the modern constitutions: Introduction to the study of political science]. Moscow: Izdanie F.I. Bulgakova, 1905. 96 p. [in Russian].

Sovremennye konstitutsii, 1905 – *Sovremennye konstitutsii.* Т. 1: Konstitutsionnye monarkhii [The modern Constitution. Vol. 1: Constitutional monarchy]. St. Petersburg: Pravo, 1905. 596 p. [in Russian].

Stolypin, 1991 – *Stolypin P.A.* Nam nuzhna Velikaya Rossiya...: Polnoe sobranie rechei v Gosudarstvennoi dume i Gosudarstvennom sovete. 1906–1911 [We need a Great Russia...: Complete collection of speeches in the State Duma and the State Council. 1906–1911]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1991. 416 p. [in Russian].

УДК 94(47)

Истинное начало постсоветской историографии истории Российской империиСергей Викторович Куликов^{а, *}^а Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье оценивается место в постсоветской историографии новой фундаментальной монографии Б.Н. Миронова и его самого в ряду современных историков. Особое внимание уделяется методологическим особенностям монографии и творческого стиля автора, который является первым из ныне живущих отечественным историком, освободившим свое исследовательское сознание от атавизмов марксистско-ленинской парадигмы. В результате Миронову удалось представить историю Российской империи в новом, оптимистическом ракурсе, по-новому осветить уже известные сюжеты, обоснованно устранить многие стереотипы, до сих пор еще влияющие на восприятие периода империи как специалистами, так и непрофессиональными историками. Однако, по мнению С.В. Куликова, Миронов разделяет некоторые историографические стереотипы, в частности представление о том, что история Российской империи начинается с Петра I Великого, хотя еще барон Б.Э. Нольде обосновал иное представление: фактически история России как империи начинается с 1550-х гг., т. е. с правления Ивана IV Грозного. В статье поднимается вопрос о методологии сравнения Российской империи с другими европейскими странами, которые также владели колониями и в этом смысле являлись империями. Миронов, согласно существующей историографической традиции, чаще всего сравнивает Российскую империю как целое (метрополия плюс колонии) с метрополиями соответствующих держав, не учитывая, что их колонии, как и в случае с Россией, составляли юридически, политически и экономически одно целое. При таком подходе Российская империя по уровню своего развития всегда будет вечно догоняющей прочие европейские империи. Однако при сравнении Российской империи с Британской и прочими империями (как целым) ситуация меняется, и Россия оказывается страной не догоняющей, а перегоняющей другие европейские державы, в частности, применительно к началу XX в. – по степени распространенности среди населения различных частей империй политических прав и свобод, в том числе избирательного права. По мнению С.В. Куликова, новая монография Миронова вызовет огромный интерес у широких кругов представителей всех гуманитарных дисциплин и станет выдающимся событием в отечественной историографии XXI в.

Ключевые слова: Российская империя; постсоветская историография; научные кланы; политические права; сравнительно-исторический метод; критерии сравнения империй; марксистская парадигма; поликонцептуальный подход; теория элит; Британская империя; европейские империи; политические права; методология и идеология.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sergeykulikov70@mail.ru (С.В. Куликов)